«В терпеньи, любви и мольбе...»

Воспоминания о моих многострадальных родителях Михаиле Федоровиче, Марии Максимовне Околович

Икона свщмч. Михаила Околович. Иконописец Е. Алешина. 2005 г.

Анна Околович

«...Не убойтеся убивающих тело, души же не могущих убити: убойся же паче могущаго и душу и тело погубите в геенне» (Мф. 10:28).

Приближаясь к своему жизненному рубежу, все настойчивее ощущала желание сохранить светлую память о моих многострадальных родителях и все чаще упрекала себя в малой настойчивости узнать о последнем периоде жизни отца моего, священника Михаила Федоровича Околовича. Вместе с тем так много пришлось пережить несправедливости и бюрократической черствости, что боишься лишний раз себя травмировать. Поэтому, наверное, мама при жизни не давала своего согласия о подаче заявления о розыске отца. К тому же она считала, что проводившаяся ранее реабилитация к погибшему духовенству отношения не имеет. И в этом она оказалась права: ведь реабилитация отца проведена только по Указу Президиума ВС СССР от 16 января 1989 года, хотя реабилитация началась с 1950 года.

Когда из Московского церковного вестника в 1988 году я узнала о создании комиссии Священного Синода по восстановлению справедливости по отношению к репрессированному духовенству, то решила готовить соответствующее заявление. Но я мало знала фактических данных. Детские воспоминания почти не сохранились, и были они разрозненны, ведь при первом аресте отца в 1922 году мне не исполнилось еще и трех лет. Мама же очень редко и кратко рассказывала о тяжелом прошлом их жизни. Поэтому в конце 1988 — январе 1989 года я попыталась обобщить и описать сохраненные мамой документы и фотографии, оживить свои воспоминания, стараясь быть объективной и искренней.

Протоиерей о. Михаил Околович. 1924 г.

После получения всех документов о реабилитации моих родителей в январе 1992 года захотелось для памяти зафиксировать длительный путь выяснения истины по переписке с органами КГБ и по отдельным встречам. Может быть, это окажется полезным пострадавшим родственникам, как «обмен опытом». Пусть таким будет начало данной рукописи.

На основании официально подтвержденных фактов стало возможным откорректировать мои ранее записанные воспоминания о сложном жизненном пути супругов Околович, что и представляет содержание следующего раздела.

Когда материал был напечатан, объем его оказался достаточно большим. Поэтому логично стало выделить раздел о нашей жизни с мамой без отца. Здесь преобладают воспоминания, касающиеся меня лично.

Еще с 1991 года у меня крепло чувство возникновения какой-то материализующейся связи с отцом. Объяснить этого не могу, но ее от-

дельные проявления или совпадения привожу в заключительном разделе.

Летом 1993 года я думала, что если после серьезной болезни у меня хватит сил и времени объединить все в одну рукопись, привязав к ней имеющиеся фотографии с комментариями к ним, то смогу считать свою задачу выполненной. В августе эту работу закончила, и сегодня, 21 ноября 1993 года в Михайлов день — день памяти моего отца — начинаю последний этап — перечитывать материал.

Из хронологии получения документации

Первое заявление в Синод на имя митрополита Владимира я подготовила в январе 1989 года, о его получении было подтверждение от 3 февраля 1989 года.

Терпеливо ждала ответа, потом начала звонить. Горько отметить, как равнодушно и беспредметно там отвечали! При большой настойчивости удалось узнать, что курирует вопросы реабилитации духовенства протоиерей Ролдугин, настоятель Крестовоздвиженской церкви в Измайлово. Там я побывала, с отцом Леонидом поговорила. В Патриархии наша встреча состоялась лишь год спустя 7 марта 1991 года, где узнала следующее… Фамилия отца под № 740 внесена в список духовенства и мирян, репрессированных в советское время, имя его записано в Синодик для вечного поминовения в монастырях: Московском Свято-Даниловом, Свято-Введенской Оптиной пустыни, Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лаврах. Из УКГБ Иркутской области сообщено только, что М. Ф. Околович, 1888 г. р., 30 июня 1933 года приговорен к 10 годам по ст.: 58-10, 58-11, а 26 марта 1933 года[1] — приговор отменен. Полученные сведения никоим образом удовлетворить меня не могли, а скорее привели в недоумение и озадачили. Ведь в начале 1938 года, сразу после ареста мамы, пришло письмо от отца с этапа из Комсомольска-на-Амуре. Этот город фактически строили заключенные, которых переводили потом на Север. На это последнее письмо отвечала я сама, подтверждая свою привязанность к отцу. Что же случилось с отцом дальше?

В приемной общества «Мемориал» были ко мне внимательны, завели архивное дело на родителей № 161-17-93. Получила я там и совет от юриста; разговаривала с сотрудником КГБ г. Москвы М.Д. Мирошиным, которому благодарна за объяснение, что мне самой следует обращаться по месту ареста отца и что нужно изложить в заявлении. Дважды отправляла последнее в УКГБ Иркутской области: 13 марта и 17 апреля 1991 года. Получила ответы из УКГБ Иркутской области, из Красноярского УКГБ, где сообщалось о направлении в КГБ Москвы уголовного дела Околович М.Ф. за 1929/30 год. Дается указание прокурору выслать мне справку о реабилитации Околович М.Ф., которая проведена 15 ноября 1989 года. С сопроводительным письмом из прокуратуры Красноярского края я получила справку № 05285 о реабилитации Околович Михаила Федоровича.

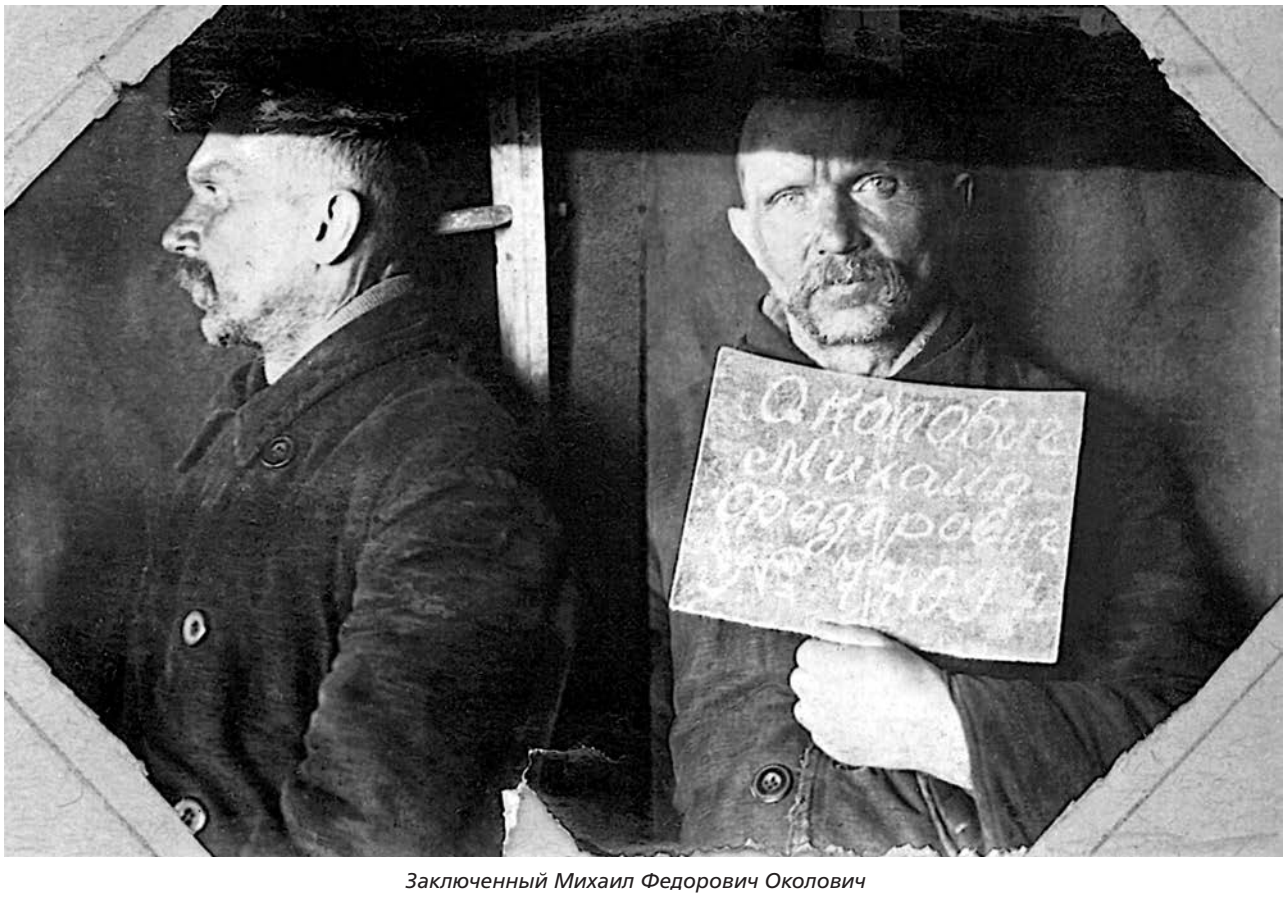
Самым страшным стало для меня письмо из Хабаровска от 1 августа 1991 года № 13/6/12-0-9. В нем констатировалось, что Околович М. Ф. был приговорен тройкой НКВД 10 июня 1933 года по ст. 58-10-1 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых работ. Расстрелян 26 марта 1938 года в г. Хабаровске, основание для этого не указывалось. Вопрос «за что?» для меня уже не возникал, поскольку на примере судьбы моего отца отчетливо прослеживается жестокое поэтапное, целенаправленное гонение на церковь, выражавшееся и в физическом уничтожении духовенства, особенно образованных стойких ее представителей.

Жуткое впечатление произвела, безусловно, последняя арестантская фотография папы в профиль и в анфас, выпавшая из хабаровского конверта. Смотреть на нее не могу даже сейчас, когда прошло уже более пяти лет. Ведь всю мою жизнь по имеющимся снимкам зрительная память хранила две различные его внешности: молодой, красивый, улыбающийся студент в академической форме вместе с нарядно одетой мамой — видно было, что они счастливы! Потом на фотографиях был священник с мягким добрым взглядом, в рясе, с крестом на груди. Высокий лысый лоб, неподстриженные борода и волосы. Тот и другой образы оставались светлыми! Какой контраст являл собой полуседой подстриженный старик в стеганой

куртке, с горьким скорбным лицом, а было ему тогда только 50 лет! Не оказалась я готовой к сообщению о его расстреле, ведь мне передалась уверенность мамы, что отец умер где-то на этапе или в северном лагере. В общем, состояние у меня было такое, будто сейчас рядом неожиданно трагически погиб родной человек. Благодарю Бога, что избавлена была мама от такого переживания…

было выражено большое сомнение. Справедливости ради следует отметить уважительное отношение сотрудника КГБ к памяти отца, признание, что расстрел был юридически необоснован.

Всю полученную документацию (копии) я сдала в общество «Мемориал». Она же послужила основанием для официального признания меня родственницей репрессированных и реабилитированных родителей. Позднее по моему заявлению мне была прислана справка о признании меня пострадавшей от политических репрессий. Таким образом закончилась моя переписка с правительственными органами.

Заключенный Михаил Федорович Околович

На следующий день (а было это 14 августа в среду) раздается звонок сотрудника КГБ Игоря Владимировича Эристова. Не могу воспроизвести наш разговор, я была почти в шоковом состоянии. Вспомнила только, что дала согласие на его предложение встретиться.

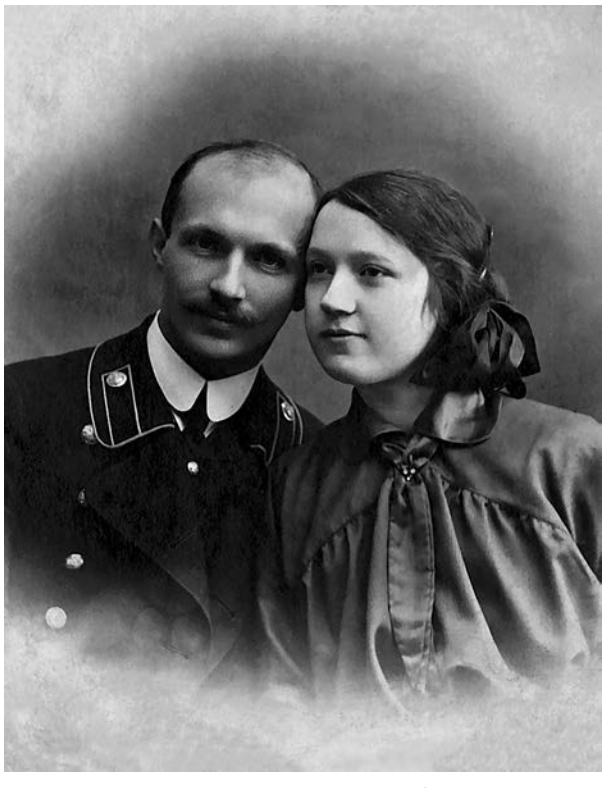
При встрече мне было сказано, что в Москве имеется только одно минусинское дело (арх. № 15510), из которого было разрешено прочитать лишь заключение и три страницы показаний, написанных рукой отца. Я убедительно просила разыскать соответствующие документы из Хабаровска, но в такой возможности

О моих родителях

Следует сразу оговорить, что отца я не помню, и лишь несколько разрозненных эпизодов могу восстановить четко. Неясный образ его чаще возникает в светлом подряснике или в черной рясе с крестом на груди, но никогда в

светской одежде, в которой он не ходил далее дома. Такая необычность его внешнего вида, отличная от окружающих, как-то пугала и отчуждала меня. Знаю о нем больше от других, общавшихся с отцом людей. Рассказы мамы всегда были чрезвычайно скупы и отрывочны, хотя свято сохранила она до конца своей жизни любовь и верность ему. Сама же я по своему осознанному теперь легкомыслию с особой настойчивостью ее не допытывала, тем более что хорошо знала, как долго оставалась она в тяжелом подавленном настроении после всякого воспоминания.

Отец мой, Михаил Федорович Околович, родился в Витебске 15 октября 1888 года. Дедушка был бедным сельским священником Полоцкой епархии, обремененным большой семьей: пять или шесть дочерей (искусницы в рукоделии) и два сына. Старший, по воспоминанию мамы, был талантлив, получил техническое образование, но умер молодым. Младший в семье — отец — учился сначала в семинарии, затем в Императорской С.-Петербургской Духовной академии, которую окончил в сентябре 1914 года с присуждением ему ученой степени кандидата богословия I разряда. Сохранился его диплом с перечнем любопытных для нашего времени наук и большой прекрасно оформленный фотоальбом XXI выпуска студентов[2]. Учился он хорошо, владел греческим, французским, английским и немецким языками (говорили, что на Страстной неделе он читал 12 Евангелий на четырех языках). Отличался активностью и пользовался авторитетом у товарищей, о чем свидетельствует монограмма на подаренном ему массивном письменном приборе, который еще находится в нашем доме[3]. Был он глубоко религиозным, и предполагался монашеский постриг, что соответствовало желанию его родителей и учителей академии. Судьба же распорядилась иначе.

Молодые супруги М. Ф. и М. М. Околович. Полоцк. 1914 г.

Мать моя, Мария Максимовна Околович, в девичестве Мастрюкова, родилась 1 апреля 1892 года в г. Маршанске, там окончила гимназию и уехала в столицу учиться на Бестужевских Высших женских курсах. Случайно во время службы в церкви увидела отца, нашла возможность с ним познакомиться, что и определило их горячую взаимную любовь.

3 октября 1914 года, после того как отец сдал выпускные экзамены, состоялась скромная свадьба, имеется свидетельство. Однако этот брак не нашел одобрения со стороны обеих семей их родителей, так как разрушил перспективу монашества жениха и не отвечал намерениям властного честолюбивого отца невесты (вышедшего из крепостных крестьян и добившегося высокой по тем временам должности управляющего имением помещика). Он выбрал в мужья другого. И вообще не хотел иметь родственников из духовенства, предвидел, что замужество помешает завершению образования дочери, как это и случилось. Примирение все же состоялось при посещении родных сразу после свадьбы. В Полоцке счастливые молодые фотографировались.

Этот брак вызвал неудовольствие и начальства духовного: как то намечалось ранее, в академии отца не оставили, а выдали назначение в Иркутское женское училище духовного ведомства инспектором классов и законоучителем, куда молодые супруги сразу и уехали

в соответствии с выданным билетом для жительства. Подлинник сохранился. В нем мама названа крестьянкой Тамбовской губернии Маршанского уезда Маршанской волости. Для жизни в Сибири родители пригласили с собой младшую любимую сестру отца Ефросинию Федоровну. Мама говорила, что все сестры отца были красивы. В те годы поездка по Транссибирской железной дороге была длительной, но для мамы радостной. Всегда в память о ней мама хранила первый подарок отца — чугунную коробочку, купленную в Златоусте.

От своего духовного призвания отец не отказался, уже в Иркутске в ноябре 1914 года был рукоположен в священники и приступил к исполнению своих обязанностей. В его формулярном списке, заполняемом с 1914 по 1918 год, есть записи об избрании членом Епархиального училищного совета, положительная деятельность отмечалась награждением набедренником (июль 1915 года), скуфьей (март 1918 года). Собранием духовенства и мирян Иркутской епархии в 1917 году был избран членом Всероссийского Церковного Собора для участия в Поместном соборе, и ездил на выборы Патриарха всея Руси святейшего Тихона.

Протоиерей о. Михаил Околович. Иркутск. 1917 г. Нагрудный знак подтверждает присвоение ему ученой степени кандидата богословия первого разряда

Первые годы семейной жизни моих родителей для мамы нельзя считать легкими. Когда училась она в гимназии, хозяйственными делами не загружалась; в студенческие годы окружающая среда была романтичной, и на скудный быт внимание не обращалось. Поэтому по приезде в Иркутск возникли трудности, начиная с освоения казенной квартиры, которая была выделена приехавшим в здании училища на Каштаке. Организация «дома», когда нет опыта домохозяйки, требовала много непривычных забот и нередко причиняла огорчения, тем более что средства были ограничены (деньгами их родители не обеспечивали, даже традиционного приданного дед не оставил маме). Поэтому нужно было, как мы теперь говорим, «начинать все с нуля». Трудно было маме и входить в чопорную среду привилегированного учительского общества, привыкать к давно сложившимся там довольно консервативным формам взаимоотношений в закрытом учебном заведении благородных девиц. Постигло еще горе — родившийся здоровым сын Георгий в годовалом возрасте умер от дизентерии. Помню, что потом мама долго ходила со мной на его могилку, находя ее даже после того, как центральное Иерусалимское кладбище стало Парком культуры с разрушенными прекрасными надгробиями богатых горожан, безусловно, представляющими художественную ценность. И все-таки этот период жизни родителей был самым светлым.

Иркутск, компактно расположенный между двух рек — красавицей Ангарой и ее притоком Иркутом — в те годы был крупным центром Сибири. Своеобразие городу придавали уютные, красивые деревянные дома частных владельцев, добротные каменные постройки с магазинами фирменных торговых домов, общеизвестный Белый дом генерал-губернатора

на набережной и краеведческий музей напротив него, ансамбли многих церквей.

Интересное описание особенностей города сделаны Н.М. Полуниной в книге «Живая старина Приангарья» (М. : Искусство, 1990) и А.Д. Фатьяновым — «Владимир Сукачев» (Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990).

В городе было два собора. Новый, воздвигнутый к началу XX века, считался самым красивым за Уралом. Оба собора в начале 30-х годов были с трудом взорваны, и долго в центре города высились огороженные развалины. Богато было купечество, имевшее через Кяхту прямые связи с Китаем, сосредоточившее широкие торговые связи по заготовке пушнины на Севере. Рыбные богатства близкого Байкала и дары тайги делали местные рынки изобильными. Большая диаспора китайцев — искусных ремесленников и огородников — обслуживала горожан и обеспечивала свежими овощами круглый год. Все это было на моей памяти.

Знаменит был китайский врач-целитель, практиковавший тибетскую медицину (кажется, благополучно возвратившийся на свою родину). Успешно лечил он больной желудок отца и меня в раннем детстве. Воспоминания эти теперь для меня горьки, потому что ясно себе представляю азиатское лицо врача, светский его костюм, но не могу воспроизвести живое лицо родного отца, знакомое мне теперь только по фотографиям, его манеру разговора и жестикуляции.

Становлению Иркутска — экономического, политического, культурного центра — способствовал и сам царь Александр III, и губернатор Н. Муравьев-Амурский.

На женское образование в Сибири обращалось особое внимание. Кроме духовного училища для дочерей духовенства, крупного купечества, именитых промышленников, куда был направлен отец, в Иркутске еще в 1861 году для обучения девушек дворянского происхождения, дочерей высокого чиновничества и военных был открыт Николаевский I институт благородных девиц. Он находился под попечительством Императрицы, считался вторым по значению после Смольного с копированием статуса последнего. Описано это в опубликованных «Воспоминаниях старой смолянки» В.П. Быковой. Отец преподавал там Закон Божий. Выпускница того института (о знакомстве с которой читайте ниже) хорошо помнила и мне рассказывала о появлении молодого учителя, который интересно вел занятия, которого любили, ибо он укреплял веру в девичьих душах. Неслучайно выше помянутая выпускница потом приняла монашество.

* * *

Революция круто изменила жизнь родителей. Закон Божий был снят с программы обучения, и из преподавателя отец становится «служителем культа». Училище сразу закрывается, и в мае 1918 года отец избирается священником Крестовоздвиженской церкви. Воздвигнутая на крутой горке, церковь украшала город затейливой архитектурой и художественной лепкой. Семья переезжает сначала в приходской дом, что находился в ограде храма; там я родилась в декабре 1919 года, там я была крещена (есть подлинник моей метрики). А вскоре семья перебирается на квартиру в дом по улице Средней Амурской *(ныне улица Седова)*.

Из рассказов мамы знаю, что в то же время тетя Ефросинья вышла замуж. Отец венчал ее, и оба плакали, и не напрасно: после венчания муж запретил ей встречаться с нашей семьей и вскоре увез из города. Связь оборвалась, и дальнейшая судьба тети не известна, что всегда было горько отцу и маме, которая была привязана к своей золовке.

О себе должна сказать, что хотя и появилась желанным ребенком, но принесла родителям больше забот и горя, чем радости. Хилая от рождения, все годы детства, да и юности тоже, много и тяжело болела.

Именно с тех давних лет в нашей семье постоянно появлялась моя крестная. Только в зрелые годы оценила я ее самоотверженную любовь, громадное значение в моей жизни, поэтому с благодарной памятью считаю необходимым рассказать о ней. Молодой девушкой Апполинария Алексеевна Мануйлова получила среднее медицинское образование. При получении звания «сестры милосердия» раньше девушками давался обет безбрачия; им выдавалась форма с белым крестом на муаровой

ленте и красным — на фартуке, который полагалось носить постоянно.

Теперь о таком обычае мало кто помнит. Она работала на строительстве Кругобайкальской железной дороги, где много было несчастных случаев и больных, потом в женском духовном училище, где и познакомилась с моими родителями. После расформирования училища перешла в родильный дом на 5-й Солдатской улице *(ныне улица Богдана Хмельницкого)*. Через это единственное в своем назначении лечебное заведение фактически прошло все послереволюционное население нашего города. Долгие годы она считалась незаменимой, круглые сутки до самого своего смертного часа находилась в больнице. В последние годы приняла постриг, став монахиней Серафимой. Именно она выхаживала меня при болезнях, стала для мамы самым близким человеком, в трудной жизни поддержала и морально и материально. Заботилась обо мне, когда маме приходилось оставлять меня на попечение посторонних добрых женщин.

А. А. Мануйлова. Иркутск. 1916 г.

Для отца начались тяжелые времена. Отрицательно сказалась популярность его среди прихожан, которая определялась проникновенным и торжественным исполнением церковной службы, искренними проповедями (он был наделен красноречием и даром убедительного слова), искренним постоянным вниманием к людям с умением сострадательно выслушивать и утешать в скорби, скромным образом жизни семьи при открытом для всех доме. Приветливость и гостеприимство хозяйки вызывали дополнительную симпатию, расширяли круг тогдашних доброжелателей. Все это я узнавала много позже, и не от мамы, а от посторонних и незнакомых мне людей. Помню случаи, когда останавливали меня на улице, спрашивали, дочь ли я отца Михаила, и рассказывали много интересного и доброго про отца. Его любили и долго помнили в Иркутске.

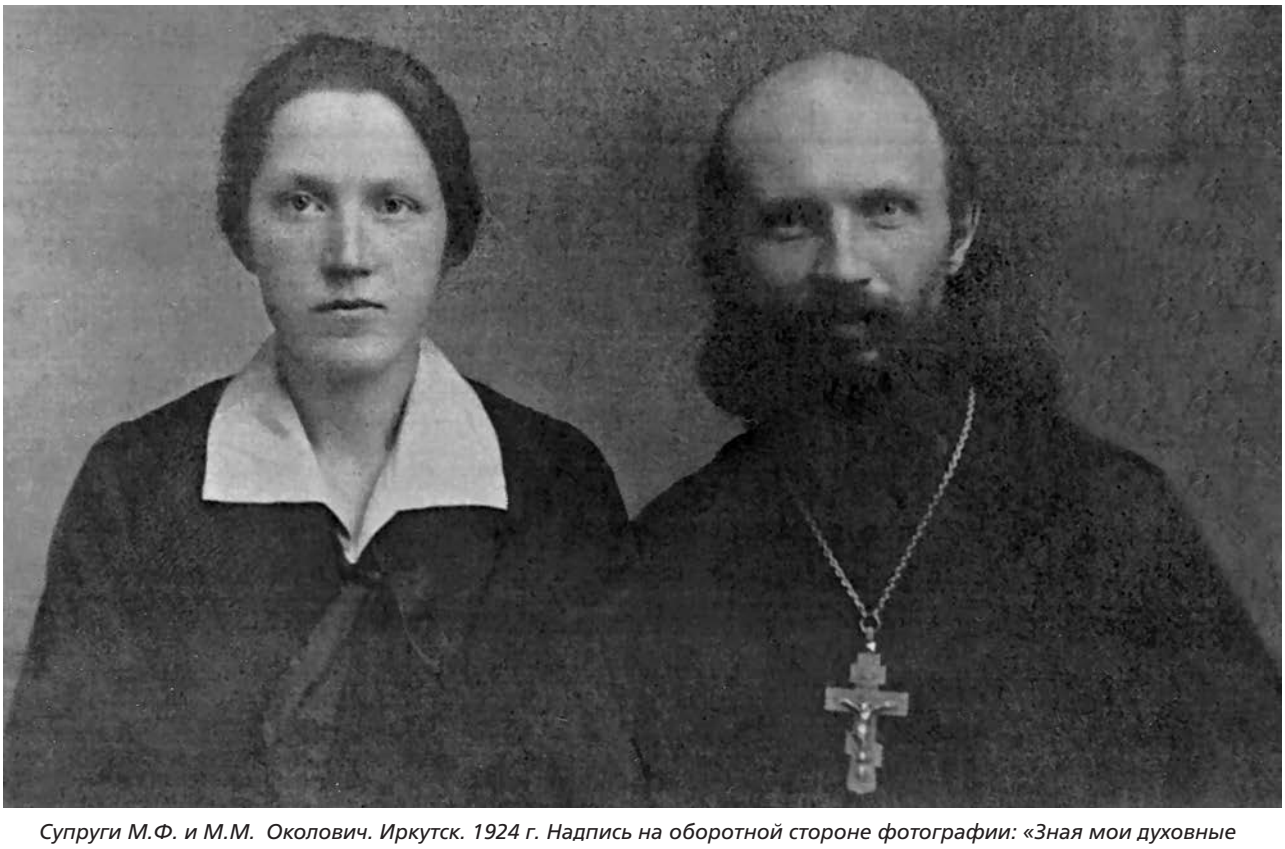
Воинствующие атеисты, конечно, обратили взимание на такого человека, как отец. Много раз его вызывали в ГПУ. И начиная с 1921 года заключали в тюрьму, настойчиво предлагали отречься от сана с перспективой большой педагогической деятельности, понуждали возглавить новую «живистскую» церковь. Возникновение такого течения приводило к расколу Православия, что в то время поощрялось правительством. Потом было сфабриковано дело «по факту хранения на чердаке церкви боеприпасов и взрывчатых веществ». Не в силах сломить стойкость отца в православной вере, в 1925 году большевистская власть отправляет отца в ссылку сроком на три года в Соловецкий лагерь особого назначения, печально знаменитый СЛОН. Кажется, был он там из иркутян одним из первых.

Больно видеть, каким грустным стало лицо мамы на фотографии с отцом; мать готовилась к великим испытаниям, к первой волне ликвидации духовенства. На фото была надпись, сделанная рукой отца: «Зная мои духовные и физические немощи, следуйте завету Св. Апостола Павла /Римл. XV. 30-31/ 1924.X.3-16 Свящ. Мих. Околович»

Отец не отличался крепким здоровьем, привезли его по этапу в лагерь с крупозным воспалением легких, и не остался бы в живых, если бы туда не приехала мама. Вероятно, в

первые годы организации СЛОНа отношение к заключенным было несколько гуманнее, так как ей разрешили за отцом самостоятельно ухаживать, что и определило выздоровление больного. Было же мне тогда семь лет.

Без отца мы жили совсем тихо, оставаясь в прежней квартире на втором этаже. Отмечаю последнее потому, что все последующие годы помещались в полуподвальной комнате с окнами в яму. Мама все безрезультатно пыталась найти работу на бирже труда, но приходилось

Супруги М.Ф. и М.М. Околович. Иркутск. 1924 г. Надпись на оборотной стороне фотографии: «Зная мои духовные и физические немощи, следуйте завету Св. Апостола Павла» /Римл. XV. 30-31/ 1924. X. 3-16 Свящ. Мих. Околович

довольствоваться различными временными заработками.

Естественно, что с возвращением в 1928 году из ссылки отца в дом вернулась счастливая суматоха, его одного видеть мне не приходилось, — семью окружало много людей. Помню я его в церкви — мама повела меня на первое богослужение отца, после этого навсегда запечатлелся у меня светлый радостный его образ, похожий на видение, отвлеченное от реальности. Поэтому мне естественнее обращение отец, а не папа; в отношении мамы как раз наоборот. Когда он вышел на амвон с проповедью, то заплакал. Как рассказывали мне очевидцы, опять же много позднее, впечатление от его слов было громадным, о трудных переживаниях даже не упоминал, а благодарил Бога за данные силы и отпущенные ему радости! Моральные силы, действительно, сохранились, а вот радостей… Так мало их ему отпущено… Тогда же стал он протоиереем. Еще помню, что был получен дорогой подарок: личная риза парчовая, белая, очень блестящая. Ни разу не пришлось отцу ее одеть, и потом долго хранился этот большой узел в сундуке, представлявшем предмет моего постоянного любопытства. Редко мама его раскрывала и, кажется, позднее передала его в церковь.

Пребывание отца в Иркутске было недолгим. В том же году ему предложили переменить местожительство. Был выбран город Минусинск, куда он уехал один с обязательной явкой на регистрацию в ГПУ без права службы

в церкви и публичных выступлений. На какие средства нужно было существовать и, вообще, чем заниматься? Ведь на государственную службу священнослужителей не принимали. Опять тяготы жизни приняла на себя мама.

И здесь я позволю себе сделать отступление. Когда я начинала анализировать, что же из детства осталось в памяти, то преследовала цель выделить воспоминания о личности отца и этапах его горькой судьбы, но чем больше я думала, стараясь делать записи, тем яснее становилась невозможность разделить трагизм жизни отца и матери. Мне даже стало представляться, что условия его тяжелого существования были «запрограммированы» органами насилия. Мама же добровольно принимала производную от этого необходимость находить выход из складывающихся тяжких обстоятельств: оба были в списках «лишенцев прав избирателей», что ограничивало многие гражданские права — получение работы, в том числе. Друзья перестали знаться; родственники не давали о себе знать; даже младший брат мамы, с которым они дружно росли, заявил официально, что никакой сестры в Сибири не имеет. Оставаться в прежней квартире было нельзя, а выезжать — куда? Ведь никто приюта не давал; для существования нужны были средства, приходилось продавать жалкие остатки имущества. Однако сохранила мама обручальные кольца, хотя своего кольца на руке никогда не носила. Уверена, что только глубокая религиозность и верная любовь к отцу поддерживали маму в то трудное время.

При возобновлении работы над воспоминаниями, когда я стала относить их к обоим родителям, поняла, что не могу отстраниться и от своих личных переживаний.

После высылки отца переехали мы с мамой жить в дом моего крестного Дмитрия Тимофеевича Гладышева, который исполнял обязанности старосты в Крестовоздвиженской церкви и был дружен с отцом. Средней руки служащий в Госбанке, скрупулезно копил он деньги и сразу после революции на свое горе купил три двухэтажных дома на горе Русиновской улицы. Очень скоро от тех домов пришлось отказаться; мало того, его семью вынудили перебраться с верхнего этажа дома в нижний полуподвальный. В одну из трех небольших сырых комнат Дмитрий Тимофеевич пустил нас. Был он добрым и справедливым человеком, Царствие ему Небесное. Жизнь крестного закончилась трагически: он был арестован одновременно с мамой и умер в тюрьме.

* * *

О последующем периоде жизни до 1931 года воспоминания мои отрывочны. Мама ездила к отцу в Минусинск, иногда брала меня с собой, чаще же оставляла в Иркутске. Отец жил в маленькой комнате, тоже полуподвальной, в квартире, где две другие занимали религиозные пожилые сестры.

Одну из соседок, младшую сестру Неонилу Ивановну, талантливую портниху-самоучку, помню хорошо: в скромном беленьком платочке, что резко отличало ее от модных, ярко одетых заказчиц. Я же чувствовала себя счастливой, если мне разрешалось потихоньку смотреть на примерку их новых нарядов. В такой обстановке стала я рано держать в руках иголку. В этой связи вспоминаю подарок отца — заготовку полотняной салфетки, на которой мне нужно было сделать мережку и вышивку рисунка девочки, бегущей за лошадкой в упряжке, с надписью: «Крепче, Ганулечка, держись!» Так он ласково по-белорусски ко мне обращался, и так больше никто меня не называл. Мама долго хранила первое мое рукоделие, считая такую надпись завещанием на всю последующую жизнь. Стала она действительно пророческой!

Жизнь отца в Минусинске постепенно нормализовалась при очень ограниченных занятиях и круге знакомых: постоянное посещение церкви, где он только пел в хоре, попытки выращивать помидоры на каменистой земле, в закутке между заборами. Отец освоил вязание на коклюшках, а потом появился и небольшой заработок переводами. Они поручались ему городским краеведческим музеем, который был основан известным в Абаканском крае исследователем-натуралистом Мартьяновым и носил его имя. С его родственниками родители были знакомы, мне даже запомнилась новогодняя встреча в той семье и такое торжественное действо, как завод на год каких-то оригинальных часов. Возникает в памяти длительная

летняя поездка в Шушенское на лошади, запряженной в коробушку, в которой можно было мне спать. Проезжали деревни с крепкими крестьянскими подворьями, въезд в них закрывался массивными воротами. О самом Ленинском мемориале четкого представления не осталось. Еще с болью встает перед глазами бесконечный пыльный поток повозок, проезжающих по улице мимо нашего окна, — то раскулаченных вывозили в «места не столь отдаленные».

Теперь нужно сказать о первом осознании моего происхождения — поповская дочка, — и вытекающих из этого социальных последствиях. В школу, которая была наискосок от нашего дома, меня не принимали, не складывалась компания с ребятишками, у меня развивалась обидчивость. Родители понимали и переживали за меня. Думаю, что тогда отец пришел к твердому решению отдалить себя от моего воспитания и маме настойчиво советовал не внушать мне религиозного мировоззрения, а предоставить возможность вырасти современной советской девушкой. Он предвидел, что иначе трудно мне будет жить. Так позднее объясняла мне мама причину, почему никогда отдельных писем с наставлениями отец мне не писал. Не помню также случая, когда мама понуждала меня ходить в церковь, хотя сама в молитве находила силы и возвращалась из храма умиротворенной. Праздники в доме соблюдались уважительно, но вместе с тем мама считала, что трудиться никогда не грешно. Довлеющим было внушение, что мне многое нельзя из того, что можно другим, но что правда обязательно восторжествует — вопрос лишь во времени. Давно и с благодарностью я оценила такое воспитание, оно в тех трудных условиях было единственно правильным и определило для меня возможность самостоятельно найти место в жизни, никогда не скрывая, кто мой отец, и сохраняя глубокое уважение к нему.

М. Ф. и М. М. Околович с дочерью Аней. Минусинск. 1930 г.

С образованием у меня было явное неблагополучие. Домашнее обучение у часто меняющихся учителей не давало систематизированных знаний. В Минусинске отец пытался со мной заниматься, но усердия не видел, и все кончалось обоюдным расстройством и моими слезами. А вот читать я начала рано и много.

Вышло постановление о всеобщем начальном образовании. К началу 1931 года мне разрешили посещать школу, экстерном проверили знания, и документ об окончании четырех классов выдали. Учиться дальше мама повезла меня снова в Иркутск, где на этот раз в 1931 году ей удалось устроиться счетоводом в Коммунальный банк. Там она проработала около 30 лет до выхода на пенсию с должности старшего бухгалтера и была даже награждена медалью «За трудовую доблесть».

Условия нашей жизни изменились и определенным образом стабилизировались. Мама много работала, я начала посещать школу.

Трудно и горько возвращаться к последним воспоминаниям об отце. В Минусинске была снята единственная фотография отца вместе со мной и мамой.

Еще одно воспоминание. Получив известие об аресте отца летом 1932 года, мама поехала со мной в Минусинск. Я не знаю, давали ли ей официальное разрешение на свидание с отцом, но помню, что ходила она за город, куда на сельскохозяйственные работы выводили заключенных. Там отцу можно было подойти к маме, чтобы получить приносимую передачу. Только один раз мама взяла меня с собой, и мы сидели в овражке, закрытые кустами. Не помню, был ли разговор с подошедшим отцом, но знаю, что он благословил нас перед уходом. Потом опять пришлось утомительно ждать, когда партию заключенных уведут. Мы видели, как они шли под конвоем; мне казалось шли очень долго, при этом стройно пели революционные песни. С того времени я не могу слушать «Сижу за решеткой…», «Мы жертвою пали…».

В 1931–1933 годы по большой группе религиозных лиц Минусинска был нанесен сокрушительный удар — это осуществлялся II этап ликвидации духовенства. Вместе с другими был арестован и отец. Из показанных мне документов минусинского дела в протоколе допроса и на нескольких страницах дополнительных показаний, написанных рукой отца, он категорически отрицал создание контрреволюционного общества для свержения Советской власти. Из 88 обвиняемых — епископа, священников, монахов и мирян — он остался в числе 18, которые не подписали предъявленных обвинений. Да и какие к тому были основания, ведь жизнь проходила при больших ограничениях под постоянным наблюдением! И, несмотря на это, особой тройкой ОГПУ ЭСК 10 июля 1933 года по ст. 58-10,11 отца осудили и приговорили к 10 годам исправительно-трудовых работ. Направили на Дальний Восток строить будущий город Комсомольск-на-Амуре.

С мамой у отца поддерживалась переписка, из которой было нам известно, что он, зная латынь, заведовал аптекой, был расконвоирован и жил в довольно сносных условиях. Он никогда ничего не просил, но мама систематически отправляла посылки с белыми сухарями и маслом. В последнем письме, которое пришло в начале 1938 года, сразу после ареста мамы, и на которое я сразу ответила, отец писал, что оставшихся в городе заключенных вывозили, предположительно, на Колыму. Больше мы ничего не знали, и только в 1991 году в полученной справке из Хабаровска было сообщено о расстреле отца 26 марта 1938 года. За что? Реабилитация получена из Красноярска, а не из Хабаровска. Таким образом, в трагической судьбе отца остается неоткрытая мне страница. Какое это теперь имеет значение? Ведь так неизбежно для него должен был закончиться III этап ликвидации духовенства.

По возвращении из ссылки в Иркутск мама своим любящим сердцем почувствовала, что отца нет в живых, и в Крестовоздвиженском храме его отпела. Еще она говорила, что всегда страшно боялась его похорон: по обряду после смерти священника его лицо сразу закрывают черным воздухом, который поднимать нельзя. Ей и не пришлось пережить этого, и боль потери дорогого человека как-то притуплялась постепенным его отдалением. Но осталось навсегда траурным начало весны: 16 марта умер муж, 26 марта расстрелян отец, 5 апреля не стало мамы.

Жизнь с мамой без отца

Теперь о нашей с мамой жизни без отца с 1933 до 1937 года. Проходила жизнь относительно спокойно, скромно и очень экономно, на небольшую ее зарплату. Запомнилась только болезнь брюшным тифом в 1935 году, который

протекал тяжело у меня и в легкой форме у мамы. Лежали мы в одной палате, и только ее пристальное внимание и уход вывели меня из предсмертного состояния.

Тяжелые испытания пришлось пережить нам в феврале 1937 года и в ноябре 1938-го. Маму арестовали и выслали на Северный Урал. Статья в газете «Восточно-Сибирская правда», опубликованная 10 апреля 1993 года, облегчает мою задачу охарактеризовать происшедшее. Привожу выдержки из этой статьи.

«…Зимним февральским днем 1938 г. сотрудниками Иркутского УНКВД была арестована служащая коммунального банка Мария Околович. Ее сослуживцы испытали шок. Кто бы мог подумать, что эта скромная и интеллигентная женщина вела подрывную шпионскую работу против Советской власти? Работала она, как всем казалось, честно и добросовестно, свое бухгалтерское дело знала отменно, была контактна и доброжелательна. Ее уважали. Знали, как Марии Максимовне приходилось трудно: одна, без мужа, она воспитывала дочь, которой шел уже 18 год. «Наверное, ее арестовали из-за мужа, который, кажется, был священником», — рассуждали некоторые из более или менее осведомленных, памятуя о том, что в прошлом году из иркутских приходов один за другим стали исчезать священнослужители самого различного ранга. Арестовали и управляющего Иркутской епархией архиепископа Павла Павловского. Ошеломил арест и Марии Околович: «За что?!» Все выяснилось на допросе УНКВД. «У нас есть данные, что вы являетесь членом контрреволюционной церковно-монархической организации», — сурово изрек следователь. Еще не пришедшая в себя от потрясения женщина все-таки нашла в себе силы сказать, что никогда в жизни о такой организации не слышала, и никто ее в нее не вербовал. В ответ услышала жуткий мат, а вслед за этим на нее обрушился град ударов. Мария Максимовна стояла на своем. Следователь схватил ружье и прикладом ударил ее по рукам, но и этим ничего не добился. В один из дней следующего допроса в следственную комнату ввели не известного ей мужчину. Он выглядел жалко, на его лице она сумела разглядеть синяки и кровоподтеки, были у него рассечены губы и левая бровь. Бедняга еле держался на ногах. На Марию Максимовну он даже не взглянул. «Вы подтверждаете, что гражданка Околович состояла в контрреволюционной организации, и вы в нее ее завербовали?» — развалившись на стуле, строго спросил следователь. «Подтверждаю, что я ее завербовал. Это было 15 июля 1937 года», — глухо ответил неизвестный. «Я его не знаю!» — вырвалось у арестованной. И все началось сначала. Опустошенная, избитая, доведенная до отчаяния, Мария Околович «признала свою вину» и подписала заранее составленный без ее участия протокол допроса. Следователь поспешил к начальству. Заместитель начальника УНКВД — капитан госбезопасности Василькиоти похлопал следователя по плечу: «Молодец!», предвкушая, что число членов церковно-монархической организации расширится, а это дает право свершить над ними скорый суд. В это время уже составлялось обвинительное заключение по следственному делу священнослужителей, в числе которых значились архиепископ Павел Павловский, служители культа Федор Верномудров, Иннокентий Попов, Иосиф Костюкевич и многие другие. По версии УНКВД выходило, что церковно-монархическую организацию возглавлял сам архиепископ, приехавший в Иркутск еще в 1933 г. Тогда же он получил задание от Московского центра контрреволюционной церковно-монархической организации, руководимой митрополитом Сергием Страгородским, развернуть работу по вербовке новых антисоветских кадров и оформлению актива церковников-монархистов и сочувствующих им. Основной целью организации являлось, конечно же, свержение советской власти путем вооруженного восстания, восстановление монархии во главе с Великим князем Кириллом Романовым. Архиепископ Павел Павловский не соглашался с обвинениями в разжигании среди своих пастырей пораженческих настроений, развертывании шпионской работы по заданиям японской разведки, активизации диверсионно-вредительской деятельности. Не выдержав побоев и истязаний, престарелый владыка Павел Павловский скончался в тюремной больнице 24 ноября 1937 г. Тогда следствие перенесло свою «работу» на тех священнослужителей, которые

уже много лет были на подозрении у сотрудников ОГПУ-УНКВД... А как же сложилась судьба Марии Максимовны Околович? Внесудебная «тройка» УНКВД приговорила ее к 10 годам заключения, и она отбывала наказание в Севураллаге. Со своей участью не смирилась. 22 марта 1939 г. Мария Околович написала жалобу Генеральному прокурору СССР. Рассказала о своей жизни, о том, что по воле родителей она была выдана замуж за священника-инспектора Тамбовского женского училища М. Околовича, а перед этим закончила гимназию. В 1923 г. ее муж был арестован и отправлен не то в концлагерь, не то в ссылку. И с тех пор она о нем ничего не знала [4], ее единственной заботой стало воспитание дочери. Писала она и о том, как проводилось следствие, как ее избивали, как она сдалась, а потом опомнилась и отказалась от своих показаний. В письме генпрокурору требовала: «Отмените незаконное постановление «тройки», основанное на голословных показаниях, на ничем не доказанных фактах». 17 ноября 1939 г. ее освободили из заключения...»

Все сказанное о маме — страшная правда... Но еще много горького осталось «за кадром». К опубликованному могу добавить следующее.

Священник о. Семен Телятьев был тем избитым человеком (она его, действительно, не узнала), который дал ложное свидетельство о маме (а ведь именно он крестил меня; есть и выписка из Метрической книги от 11.11.20 года). Но не столько эта клевета сломила ее, сколько угроза ареста дочери — мне тогда исполнилось 18 лет, и я сдала 1-ю сессию 1-го курса Горно-металлургического института.

Ссылку с правом переписки мама отбывала на Северном Урале — станция Сосьва узкоколейной железной дороги, проложенной от города Надеждинска.

Как и все несчастные родственники арестованных, я ежедневно ходила к зданию ГПУ на 6-й Красноармейской улице с передачей, чтобы что-то узнать о маме. (Как правдиво аналогичные очереди показаны в превосходном грузинском фильме «Покаяние»! Из кинозала вышла я опухшей от слез, но с просветленным чувством, что дожила до времени, когда оказалось возможным создавать и показывать такие картины.) Вскоре в той толпе ко мне подошла незнакомая женщина и сказала: «Аня! Мама передает, чтобы ты уже перестала сюда приходить и ждала письма — ее выслали. Больше ничего не спрашивай!» И, действительно, сначала я получила записочку такого же содержания, сброшенную из вагона с этапа (аналогичный кадр есть в фильме «Белые одежды»). Письмо с конечного места назначения пришло к концу апреля. Мама просила чаще присылать ей мои фотографии, что я и старалась делать.

Я осталась одна в дни зимних каникул и пришла в институт после того, как перестала искать маму в ГПУ и тюрьме, когда занятия начались. Декану М.А. Соколовскому сказала, что учиться больше не буду, потому что нет средств к существованию. Дальше почти дословно состоялся следующий разговор: «Ты веришь, что мама невиновна?» — «Да, конечно, да!» — «Тогда ее обязательно выпустят, и как она будет огорчена, если ты бросишь учиться! Я зачисляю тебя на стипендию, иди на занятия». Нельзя переоценить этот благородный поступок, ведь в то жестокое время, наоборот, студентов репрессированных родственников сразу отчисляли.

Наступившим потом летом, по просьбе мамы, я продала последнюю оставшуюся у нас большую вещь — папину енотовую шубу, взяла для нее одеяло с подушкой и в легкой кофточке, носочках и с красным портфельчиком поехала в лагерь на Северный Урал. О, легкомыслие юности! Описать то путешествие пока не берусь, так много было там переживаний... Скажу только, что свидание не состоялось. А мама всегда упрекала себя в неоправданном эгоизме, подвергая меня большим опасностям.

Заключенные, кому удавалось достать бумагу, писали заявления о пересмотре дел. Мама отправила таких 15 в различные адреса. Одно, на имя М.И. Калинина, получила я и страшно испугалась, ведь тогда о жестокости допросов говорить боялись. С попутчиком переслала я это заявление в Москву, и мы были уверены, что именно оно оказало влияние на пересмотр дела.

* * *

Мама вернулась из ссылки в начале декабря 1939 года, возобновила работу в Комму-

нальном банке. Наша жизнь продолжалась по ранее установленному режиму: мама много работала, я училась.

Второй учебный год в институте начался для меня нормально. Огорчением стал арест группы уважаемых преподавателей, в том числе и нашего декана, который вел в нашей группе начертательную геометрию, но принять экзамены не успел. Мерзко было видеть, как приглашенный потом преподаватель Тимофеев старался «завалить» сильных студентов, чтобы показать, как плохо осуществлялась учебная программа до него. Мы потребовали комиссии для переэкзаменовки и доказали обратное. Еще раз встретилась я с тем деканом Соколовским, когда группа оставшихся в живых преподавателей вернулась в 1945 и 1946 годах из заключения. Я случайно слышала их нелицеприятное объяснение с предавшим их человеком. Я постаралась встретить и остановить на улице уже совсем старенького декана и сказать о своей постоянной памяти и благодарности ему за прошлое. Он же посмотрел на меня и сказал: «А я вас не помню». Не вспомнил, что спас мое будущее!

Окончание института — начало войны! Прерваны последние каникулы, отменена преддипломная практика, ускорена подготовка и защита диплома, отъезд по распределению в Казахстан и работа на рудниках Джеламбет и Степняк треста «Каззолото». Везде очень трудно, голодно, горькие потери!

Мама оставалась в Иркутске. Возвращение к ней после окончания войны не принесло радости. После успешно занимаемых высоких должностей на золотоизвлекательных фабриках я стала работать лаборантом с весьма скромным окладом на той кафедре, где училась.

Правда, сначала был обещан перевод в аспиранты, и без ложной скромности могу сказать, что считала себя достойной того, поскольку приобрела разнообразный практический опыт, много занималась сама и самостоятельно проводила занятия со студентами. Но перспектива закрылась, когда на это место стал претендовать молодой демобилизованный тщеславный лейтенант, к тому же коммунист. Зав. кафедрой стал мне внушать, что при всех моих достоинствах должно понимать его преимущества по сравнению с ограниченностью прав «поповской дочки» и, следовательно, допуска к исследованиям по моей секретной специальности — золотометаллургии — оформить нельзя.

Начало лета 1947 года оказалось для меня решающим. В Иркутске проводилась первая конференция по изучению производительных сил Сибири, мы, молодые, были в обслуге ее. Спецпоезд привез группу ведущих ученых страны, нашу технологическую секцию возглавлял член-корреспондент АН СССР Игорь Николаевич Плаксин. Он был хорошо знаком со многими нашими преподавателями, в частности, с деканом Гелием Парфировичем Славниным. Последний знал о моих затруднениях, относился доброжелательно и, используя подходящий момент, представил меня этому выдающемуся ученому. Так я получила приглашение приехать к сентябрю в Московский институт цветных металлов и золота имени М.И. Калинина для сдачи вступительных экзаменов в заочную аспирантуру.

Совершенно случайное для меня совпадение: поезд прибыл в столицу нашей Родины Москву, яркую, праздничную, в знаменательный день ее 800-летия, и с этого дня начались счастливые изменения в моей жизни. При первой встрече с научным руководителем я сразу сказала о своем отце. Последовал вопрос: «Вы верите в его честность?» — «Да, безусловно, да!» — «Тогда остальное не имеет значения». Уверена, что еще ранее в Иркутске он получил соответствующую информацию и потом при моем засекречивании дал личное поручительство, о чем я узнала много позже.

Распределение после окончания аспирантуры я получила в институт города Орджоникидзе, но оттуда пришел отказ в связи с перспективой научного роста местных специалистов; возвращаться в Иркутск я сама категорически отказалась. О возможности остаться в Москве я не помышляла, но все же обратилась к директору института НИГРИзолото. Он был учеником моего руководителя, часто бывал у нас на кафедре, а ранее встречались на фабриках, и он всегда настойчиво приглашал в будущем на работу в свою организацию. Когда же в отделе кадров познакомился с моей анкетой,

то свободной штатной единицы не оказалось — опять мое происхождение! Я была в отчаянии…

В один из вечеров задержалась в лаборатории, чтобы оформить раздел из диссертации по обогащению мышьяково-пиритных руд в отдельный отчет для Института горного дела АН СССР, где заместителем директора был Игорь Николаевич Плаксин, который и зачислил меня на двухмесячную временную работу после моей защиты диссертации в декабре 1950 года, чтобы дать возможность спокойно подготовить документацию в ВАК. Посмотрев, чем я занимаюсь, он вдруг полюбопытствовал о моих дальнейших планах. Когда же узнал о возникших трудностях, то сразу сказал, что готов оформить меня на работу к себе, что не предлагал этого ранее, поскольку я никогда не обращалась с такой просьбой. Пригласил с условием, что о московской прописке и жилье буду заботиться сама. Так я обрела человеческое достоинство. Подробно описываю этот факт потому, что и сейчас воспоминания вызывают благодарную радость.

В 1952 году мама переехала в Москву. Условия нашей жизни постепенно улучшались. Меня перевели в старшие научные сотрудники. Установились связи и встречи с родными мамы: сестрой Надеждой, которая жила в семье сына Сергея Паршина в Вильнюсе, с братом Александром Мастрюковым, его дочерью Валентиной, которые жили в Риге.

Через три или четыре года после переезда мамы в Москву к ней приходил посланец от митрополита Коломенского и Крутицкого Бориса Ярушевича, который интересовался выпускным альбомом академии. Владыка был близким товарищем моего отца, стал в постриге отцом Николаем и достиг столь высокого сана. Мама, безусловно, в прошлом хорошо его знала, но от свидания категорически отказалась. Визит этот состоялся лишь в мое отсутствие, хотя мне так хотелось встретиться с живым свидетелем молодости моих родителей. Мама мне запретила и думать об этом и не захотела объяснить почему. Также непонятной мне осталась причина ее нежелания начать розыск отца.

И снова случай, на этот раз трагический, вмешался в мою судьбу. Много лет я проводила работы на Текелийской обогатительной фабрике, начальником которой стал Иван Игнатьевич Макиенко, а его жена Нина Андреевна Крюкова заведовала исследовательской лабораторией. Мы учились в одном Иркутском горном институте (они выпускались, когда я поступала), имели одну специальность, были единомышленниками. Это определило крепость нашего творческого союза и успех в совершенствовании технологии на предприятии, что, в свою очередь, укрепляло наши добрые отношения и после того, когда они переехали в Алмааты. Их сын окончил институт имени Баумана, имел семью, работал и жил в Подмосковье. Когда Иван Игнатьевич находился в длительной командировке в Югославии, Нина Андреевна приехала для оформления выездной визы к нему, жила у детей и здесь трагически погибла. Дальше сложилось так, что родные Ивану Игнатьевичу писали редко, и я оказалась для него связующим звеном с Родиной, советником в работе. Наше взаимное чувство родилось в переписке: его от одиночества, мое от сострадания. Правду говорят, что у русской женщины слова «жалею» и «люблю» — синонимы. Тронуло меня письмо Ивана Игнатьевича к маме, в котором он по старинному обычаю просил у нее «моей руки». Сначала я ответила, что когда он приедет, тогда обо всем и поговорим. Известна мужская психология: если женщина говорит «может быть», то это значит «да». Так воспринял мой уклончивый ответ Иван Игнатьевич и начал строить планы. Я боялась погасить в нем радость ожидания, сделать горьким его возвращение. Поэтому, посылая свою фотографию, которую он очень просил, обещающе надписала ее, легкомысленно полагая, что потом разберемся… Встречать его поехали сын Саша с невесткой Валей. Я думала, что увидимся мы только на следующий день, но Иван Игнатьевич появился уже к вечеру с такими радостными глазами, что сразу стал родным и близким!

От мамы я слышала молитву о кончине безболезненной, непостыдной, мирной. Так она и умерла у меня на руках: уснула и перестала дышать. Я не почувствовала даже момента отделения души от тела. Я же ощутила тогда, будто небо упало на меня… Случилось это на пасхальной неделе 5 апреля за 9 дней до ее 80-летия. Нам так хотелось достойно отметить

ее юбилей, предполагалось, что будут родственники. Они действительно приехали, но мама уже лежала под иконами, и горела привезенная из Иерусалима свеча.

* * *

Вскоре после того как мамы не стало, состоялось мое знакомство с Любовью Леонидовной Левицкой, учившейся в Иркутске у отца. Еще молодой она приняла постриг в Борисоглебской пустыни (село Аносино в Подмосковье), став монахиней Леонтией. Пробыла в обители до расформирования этого монастыря в 1921 году. Ее воспоминания опубликованы в Московском журнале за 1993 году под заголовком «Схимонахиня Леонтия». Долгое время находилась в ссылках; потом ее разыскали, как родственницу уважаемого на Украине дореволюционного писателя-демократа Нечуй-Левицкого и оформили разрешение на проживание в Москве с предоставлением комнаты. Довольно часто приходила я к ней. Это общение поддерживало меня, особенно во время болезни и смерти мужа.

Я еще продолжала работу в Институте и на пенсию вышла лишь в 1982 году, мечтая о радости труда на садовом участке вместе с мужем Иваном Игнатьевичем. Но не дал Бог… Летом я так заболела, что до осени не могла ходить. Тогда же обнаружился и серьезный недуг у Ивана Игнатьевича. В последние дни декабря ему сделали операцию, а 16 марта 1983 года наступила смерть.

Сразу после похорон мои коллеги по Институту чуть ли не насильно оформили меня на работу. Теперь работа стала казаться еще одним испытанием, которое я смогла вынести только 7 месяцев. Я исполнила свой профессиональный долг: кроме постоянной практической работы, 160 опубликованных научных работ, 8 авторских свидетельств, раздел «Обогащение» в терминологическом словаре по горному делу, участие в крупных совещаниях и конгрессах, в том числе и международных.

Заканчивая главу, хочу сказать, что случаи определяли все решающие изменения в моей жизни. Необходимость терпеливо выносить часто напрасные обиды научила меня больше думать, анализировать обстоятельства, и все чаще вставал вопрос: а что же направляло эти отдельные случаи?

О странных случайностях и совпадениях

Уже отмечала, что в раннем детстве отец сознательно отдалился от меня, и я не чувствовала его влияния на мое воспитание и формирование мировоззрения. С мамой мы разговаривали об отце редко. Поэтому меня стало удивлять, что после ее смерти мои мысли и воспоминания возвращались не к ней, а к отцу. Я не мистик, и с сожалением сознаю, что я недостаточно религиозна. Но все чаще, особенно после смерти мужа, стала почти физически ощущать, что отец как бы оберегает и поддерживает меня на жизненном пути. Отдельные факты стали выстраиваться в определенную последовательность.

В начале 20-х годов мои родители дружили с семьей Егуловых. Их дочь Татьяна Александровна, в замужестве Шипунова, считала отца своим духовным пастырем, в его честь дала имя своему сыну, которому отец был крестным. После смерти главы семьи и репрессии мужа она с матерью, сыном и братом переехала в Москву к своим родственникам. Когда мама стала жить со мной, Татьяна Александровна часто навещала нас, но я обычно в их разговорах и воспоминаниях участия не принимала. После смерти мамы она приходила уже ко мне и в одну из наших встреч сказала, что хранит письма моего отца, спросив, не хочу ли я с ними познакомиться. Для меня это оказалось полной неожиданностью, поскольку мама уничтожала свою переписку сразу. Трудно выразить те острые чувства, которые я переживала, читая письма отца. Высказанные там мысли пересказать не берусь, но воспринимала их как советы отца мне.

Но письма, написанные отцом Татьяне Александровне, оказались у меня лишь после ее смерти… Мы обе с Татьяной Александровной старели, встречаться уже не могли, и однажды позвонил Миша и сказал, что его мамы умерла, и что он обнаружил у нее подписанную фотографию моего отца. Я получила ее при

встрече на кладбище в 9-й день после смерти Татьяны Александровны. Тогда же я сказала и о письмах отца Татьяне Александровне, и, когда они нашлись, то и были пересланы мне.

Примечательно, что надпись на фотографии, посланной отцом из Минусинска в 1929 году, дословно повторяла сделанную им в 1924 году на совместном снимке с мамой. Следовательно, отец все время думал о грядущих испытаниях. Повторяю надпись: «Зная мои духовные и физические немощи, следуйте завету Св. Апостола Павла */Римл. XV. 30-31/* Свящ. Мих. Околович». И вот о чем говорится в том послании: «30. Между тем умоляю Вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня Богу. 31. Чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым. 32. Дабы мне в радости, если Богу угодно, придти к Вам и успокоиться с Вами. 33. Бог же мира да будет со всеми Вами, аминь».

Два последних стиха 32, 33, на которые хотя отец и не указывал, считаю для себя пророческими и заключительными для своей жизни!

В полученном пакете содержалось следующее: завизированная цензурой записка из Соловков от 24 июня 1927 года, письмо из Минусинска от 31 августа 1928 года и оттуда же открытка, по штемпелю отправленная 8 марта 1931 года, на последней изображен заключенный за решеткой с надписью «Помоги» и ниже «Вступайте в ряды МОПР». Не символично ли это?

А вот выписанные из писем советы отца… «…В личной жизни утешайтесь тем, что все Господь делает к лучшему. И испытания полезны». «Дай Бог и впредь не ослабевать».

Когда заканчивала работу над воспоминаниями, 3 февраля 1994 года неожиданно получила от Миши последнее письмо отца с Дальнего Востока, датированное: 24 мая 1935 года. Чувствуется, что написано письмо было в спокойной обстановке с доброжелательными советами Татьяне Александровне и обращениями к своему крестнику Мише. Отец писал: «Вашу память обо мне и участие я очень ценю и бесконечно благодарен. Причем, я не настолько избалован этим, чтобы мог безразлично к этому относиться. Скажу больше, по складу своего характера я очень привязчив, и забыть своих друзей и хороших знакомых не могу никогда. Пожалуй, в этом отношении даже ревнив более, чем следует. Претендовать на то, чтобы меня помнили, я не могу, но очень скорблю, когда некоторые из близких лиц совершенно исчезают из вида, и о них ничего не могу узнать. Беспощадная смерть унесла многих друзей, живые рассеялись и забыли, а новых не приобретаешь. Вполне понимаю неизбежность полного забвения и одиночества, но безразлично пока относиться к этому трудно. Время свое сделает!»

В конце письма отец подводит итог своей жизни: «У меня тоже юбилейный год — десять лет скитальческой жизни. К тихому берегу в этой жизни уже не чаю пристать. Пока еще жив и тяну лямку. Конечно, если бы не милость Божия и поддержка близких, уже не таскал бы ноги. В отношении работы и проч. Настоящее положение свое считаю хорошим (*отец тогда заведовал аптекой. — А. О.*). Больше терзаюсь за своих, у которых здоровье очень неважное. <…> Да хранит Господь! Не поминайте лихом Вашего друга и кума».

Отец достойно вынес страдания Христа ради. Пусть же сохранится о нем Светлая Память! Упокой, Господи, со святыми душу усопшего раба Божия и прости ему прегрешения вольныя и невольныя.

2 ноября 1997 года, г. Москва

(Текст стилистически отредактирован и сокращен для журнальной публикации)

Примечания

1. Такие даты, безусловно, перепутаны, указаны в общей справке о репрессированном духовенстве.

2. Подлинник диплома и альбом были переданы при личной встрече ректору академии в 1991 году.

3. Письменный прибор передан в Музей новомучеников Московского Свято-Данилова монастыря в 1998 году. Позднее туда же направила аналогичный экземпляр воспоминаний.

4. Это ложь мамы «во спасение»: отец никогда не был в Тамбовском училище и во время предыдущих ссылок права переписки, хотя и редкой, не лишался.